

Клавдия Владимировна Лукашевич

Старый камердинер

Клавдия Лукашевич
Старый камердинер

«Public Domain»

Лукашевич К. В.

Старый камердинер / К. В. Лукашевич — «Public Domain»,

«В имении Иванкове все боялись старого господского парка. Заглохший, запущенный, он тянулся от господского дома почти на две версты и терялся где-то далеко в полях и лесах. Прежде, еще не так давно, он был дивное произведение искусства. Редкостные экземпляры деревьев и кустарников окружали светлые, зеркальные пруды и росли по берегу быстрой реки. По реке, с берега на берег были перекинута затейливые мостики. В прудах водились золотистые караси, а по водам плавали белоснежные лебеди. Весь сад утопал в душистых цветах; над клумбами возвышались прекрасные статуи; таинственные гроты, изящные беседки красовались в самых живописных уголках. Здесь часто давались роскошные пиры, по вечерам зажигались фейерверки, которые в то время назывались потешными огнями; гремела музыка, а по аллеям разгуливали веселые, нарядные кавалеры и дамы...»

Содержание

I	5
II	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Клавдия Лукашевич Старый камердинер

I

В имении Иванкове все боялись старого господского парка. Заглохший, запущенный, он тянулся от господского дома почти на две версты и терялся где-то далеко в полях и лесах.

Прежде, еще не так давно, он был дивное произведение искусства. Редкостные экземпляры деревьев и кустарников окружали светлые, зеркальные пруды и росли по берегу быстрой реки. По реке, с берега на берег были перекинуты затейливые мостики. В прудах водились золотистые караси, а по водам плавали белоснежные лебеди. Весь сад утопал в душистых цветах; над клумбами возвышались прекрасные статуи; таинственные гроты, изящные беседки красовались в самых живописных уголках. Здесь часто давались роскошные пиры, по вечерам зажигались фейерверки, которые в то время назывались потешными огнями; гремела музыка, а по аллеям разгуливали веселые, нарядные кавалеры и дамы.

Современем здесь все переменялось. Имение пришло в упадок; сад заглох, зарос и о нем шла дурная слава. Говорили, что туда ходить опасно и там водится нечистая сила. Дворовые девушки, которых старые барышни посылали часто за цветами, видели, как в чаще парка пробежал кто-то страшный, черный, с рогами; ребятишки, которые забирались иногда пожить ягоды, слышали, как укал леший и хохотали русалки. Даже сам помещик, хозяин Иванкова, Иван Денисович Иванов и тот рассказывал всем, что видел несколько раз около розовой беседки привидение в белом, с черным флагом в руках.

Около розовой беседки было самое страшное место. Прежде это был волшебный уголок. Белый домик в швейцарском вкусе стоял над высоким обрывом; летом он весь зарастал вьющимися растениями, около него шумели липы и именно здесь весной всегда пели соловьи; но что всего было привлекательнее – это масса роз всевозможных цветов, которые были насажены вокруг домика. Аромат их был слышен издали и беседка эта, которую называли розовой, была любимым местопребыванием молодежи.

Около розовой беседки случилось несчастье: умер старый барин. Он был человек тучный и умер от удара. С тех пор все стали бояться этого места, и о нем распространились нелепые слухи. Новый помещик (сын покойного) велел сложить в беседку старое оружие и какие-то старые вещи, сам запер дверь на замок и велел заколотить окна.

Во всей усадьбе один только старый камердинер ничего не боялся и не верил рассказам про парк и про розовую беседку.

– Пустое судачат бабы... Глупые сказки! Век живу в Иванкове, бывал в парке днем и ночью, хоть бы на смех что увидел или услышал... Плетут люди неведомо для чего... – недовольным тоном говорил старик.

– Да как же, Осип Ильич, – протестовали дворовые девушки, – коли мы сами «его» видели?... Страшный, с рогами... Мы испугались до смертушки...

– Эх, вы, сороки! – сердился старик. – Видели вы козу в сарафане. Вот что. Мало ли кто может в парк забрести: собака, теленок, овца... Глупые девки, пустяки мелете...

– Нет, Осип Ильич... Мы видели, то был «он», «сам».

Невозможно было разубедить темноту деревенскую.

Огорчало более всего старика то, что и барин его верил в эти рассказы.

Осип Ильич, старый камердинер, был высокий, представительный старик. Он ходил в костюме прежних времен: в гороховом, порыжелом фраке с блестящими пуговицами, в штиб-

летах и ботинках с бантами и огромными пряжками; все это было уже старое, потертое, запла- танное, но старик ни за что бы не решился переменить этот костюм.

В прежнее время Осип Ильич занимал очень важное место: камердинера и ключника; весь дом был у него на руках. Господские дети вырастали под присмотром Осипа, вся прислуга должна была ему повиноваться и сами господа относились с уважением к верному и предан- ному слуге.

Теперь в Иванкове присматривать было не за чем. Большой господский дом стоял как разоренное гнездо: дорогие картины и вещи, старинное серебро куда-то бесследно исчезли; мебель развалилась; материи на мебели порыжели, выцвели и истлели.

Один только Осип Ильич старался поддержать внешний порядок. Он бродил по дому тихо, степенно и за всем наблюдал; очень часто он приносил гвозди, молоток, клей; чинил, и заколачивал, как умел, вещи; но они от этого не делались лучше, и старый слуга, тяжело вздыхая, качая головой, снова прохаживался без дела по запущенному дому.

В верхнем этаже господского дома жили две тетки хозяина, старые девушки. Они печально доживали свой век с целой сворой собак и толпой дворовых девушек. Старушки нигде не бывали, никого не принимали, даже вниз, в сад или в другие комнаты выходили редко. Туда, наверх, каждое утро Осип Ильич ходил с докладом. Войдет он тихо и почтительно оста- новится у дверей; начнутся разговоры, воспоминания... Этих стариков связывало долгое про- шлое. Зимой старушки целые дни или вязали какие-то длинные полосы или раскладывали пасьянсы; летом они чаще всего делали букеты и расставляли их в многочисленные вазочки, украшавшие их комнаты. За цветами они ежедневно посылали девушек в поля, в леса и в ста- рый парк.

Обе старушки очень любили старого камердинера. Они жили, не зная действительности, и не верили, что отошли светлые дни в Иванкове, что прошли молодость, богатство, счастье.

– Ну, что, Осипушка, у нас рассаживают парники? – спрашивала старшая барышня вер- ного слугу.

– Еще не рассаживали, барышня... Время не потеряно... Успеют...

– Это ужасно, Осипушка! Зачем у нас смотрит управляющий? С каждым годом все позд- нее и позднее подают к столу молодую зелень. Надо рассчитать управляющего.

– Его уже давно, барышня, рассчитали, отвечает Осип Ильич, а сам строго посматривает на дворовых девушек: ему казалось, что они хихикают. Старик не любил говорить о хозяйских делах при молодой прислуге. Дела эти были очень плохи, и старый камердинер, сам страдая душой, хотел скрыть всю правду от барышень.

Какие уж тут парники, когда дворне есть нечего! Парников уже много лет не засаживают, стекла в них выбиты и садовника давно нет.

– Сколько нынче к лету лошадей для господ на конюшню ставят, Осипушка? – спраши- вала младшая барышня.

– Еще барин не приказывали... ответит печально старик.

– О чем это думает Ванечка и где он пропадает?..

– Известно о чем думает молодой человек: о веселье. Гуляет все у соседей...

Осип Ильич никогда не говорил о своем барине дурное.

Этому молодому человеку давно уже перевалило за сорок лет. Он был два раза женат и схоронил уже и вторую жену.

– Помнишь, Осип Ильич, нашу серую тройку в яблоках?.. Помнишь, вь Оленькины име- нины, когда мы ездили на пикник на Малиновую Пустошь, она все экипажи обогнала и неслась как стрела... Помнишь, Осип?..

Старик помнил все, но от этого было не легче. В Иванкове давно все конюшни были пусты и сам барин ездил на двух старых, разбитых на ноги клячах.

Разговор переходил на другие темы.

– Ну, что поделывает твоя старуха? Как поживает Дуня?

– Моя старуха работает да скрипит, а Дуняша цветет как маков цветик.

Лицо Осипа прояснилось; точно солнышко проглядывало среди темных туч, и ласковая улыбка скользила по губам.

– Когда твоя Дуня подрастет, мы ее возьмем в комнаты. Из неё выйдет расторопная горничная, обещали старые барышни.

– Спасибо на добром слове, барышни, отвечал старик, низко кланяясь, а сам думал: «Ох, будут ли у нас в ту пору комнаты?.. Дуняшка, мое дитяtko, вырастить бы тебя, уберечь от злого, поставить на ноги... Тяжелое подходит время».

Старик уходил от барышен с тяжелым чувством и бродил по комнатам как тень.

II

В то время было еще крепостное право, хотя уже слышались глухие толки о воле. Помещики покидали свои усадьбы и хозяйства приходили в упадок.

Иванково было старинное большое поместье. Белый каменный дом с высокой башней стоял на горе и виден был издали; направо от дома, окруженные каменной оградой, шли постройки, или угодья: сараи, амбары, ледники, разные семейные и другие избы. Все постройки были сложены даровыми руками из красного кирпича прочно и красиво; с левой стороны от господского дома тянулся по берегу реки огромный парк. Местность была очень живописная.

На большом дворе, в стороне от других построек, за густой оградой из акаций приютилась небольшая хатка. Это был укромный уголок. Там жила старуха, жена Осипа Ильича, с их единственной внучкой Дуней.

Несколько раз в день можно было видеть, как по двору к этой хатке степенной походкой направлялся старый камердинер.

Когда он подходил к забору из акаций, черты его прояснялись, морщины разглаживались. Там, в укромном уголке, он отдыхал от всех невзгод, там скрывались все счастье, вся радость его жизни. Этим счастьем были старая, древняя старушка, с которой он прожил долгую жизнь, и маленькая девочка, озарявшая ласками, веселым смехом и нежной любовью закат дней стариков.

Навстречу старику всегда выбегала, выпархивая, как вольная птичка из гнезда, маленькая, белокурая девочка в русском сарафане и кидалась ему на шею.

– Деда, дединька!.. Я ждала тебя. Говорю бабушке, что наш деда долго не идет...

Осип Ильич никогда не мог видеть без умиленных слез эту девочку. Дрожащими руками он прижимал к своей груди беленькую головку, гладил ее и расспрашивал с глубоким интересом.

– Ты слушалась, Дунюшка, бабушку?

– Слушалась, деда... Чулок вязала и полотенце шила.

– Ай, умница! Вот тебе конфетинка.

В кармане старика всегда находился какой-нибудь гостинец для девочки.

– А в парк господский, к розовой беседке не бегала, лапушка?

– Не бегала, деда... Меня ребята звали, я не пошла... Говорю, там леший сидит...

– Ох, разумница ты, девонька!.. Пойдем-ка азы потвердим!

Охая и крехтя, навстречу Осипу Ильичу выползала сгорбленная старушка и тоже хвалила и ласкала девочку: «Она-де и послушная, и заботливая, и работница».

Оба эти старика жили и дышали внучкой. Над их седыми головами стряслось неожиданно страшное несчастье: их единственную дочь, мать Дуни, убило грозой во время покоса, – отец её, столяр, умер в тот же год.

Дуне в то время исполнилось 8 лет. Это была прехорошенькая, живая, веселая девочка, носившаяся по усадьбе как ураган. Ей – внучке такого важного человека, как «господский камердинер», как называли Осипа дворовые, жилось хорошо. Никто не смел ее обидеть или сказать ей грубое слово, – оттого и девочка росла доброй и ласковой.

Осип Ильич учил Дуню грамоте: и ежедневно часок-другой они твердили азы по засаленным старинным святцам. По тогдашним временам это было для всех в диковину. Тогда грамоте знали немногие и мужчины, а о грамотных девушках и не слыхивали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.